
Сергей Носов

На правах персонажа (о романе «Дайте мне обезьяну»)

Тему нижеследующих заметок в развернутом виде можно сформулировать так: об одном причудливом опыте активного существования реального человека в художественном тексте другого автора. «Другой автор» — это я; текст, о котором идет речь, — мой роман «Дайте мне обезьяну», а кто этот «реальный человек» и почему его существование в тексте «активное», сейчас объясню.

«Дайте мне обезьяну» — мой третий по счету роман. Написанный в конце минувшего тысячелетия, он вышел в свет осенью 2001-го; критика тогда следила за литературным процессом, — на ее внимание автору грех жаловаться. Второе издание (2003) отличалось от первого небольшими добавлениями. Роман теперь начинался с благодарности, напечатанной на отдельной странице:

*Геннадию Анатольевичу Григорьеву
за добровольное согласие
на правах персонажа
войти в роман
выражает свою признательность
благодарный автор.*

Итак, Геннадий Григорьев (1949—2007). Поэт. И не просто поэт, а, по словам Виктора Топорова, «лучший поэт своего поколения». Не уверен, что надо здесь представлять Григорьева. Фигура известная. И то, что репутация у него была противоречивая, тоже ни для кого не секрет: многих Григорьев пугал, раздражал, а то и бесил вызывающе независимым стилем общения, часто граничившим с эпатажем и отвергав-

шим любые условности. Григорьев натурально выламывался из писательской среды, но никогда не переставал бытовать в ней как фольклорный герой — живой легендой и живым анекдотом. Он любил клоунаду и был способен на романтический жест, а если что — мог и дать в морду (хотя и сам получал, бывало). Обычное его состояние — навеселе; и вообще, по части «зашибить муху» мог дать фору любому. При этом был всегда на мели. Его безбытность была притчей во языцех. Вот парадокс: он в иные времена и за три года не получал столько, сколько составляет премиальный фонд ныне действующей международной поэтической премии его имени. Иначе ее называют «Григорьевкой». Сам Григорьев премиями отмечен не был — кроме одной: в 1999-м дали нам с ним на двоих журналистскую премию «Золотое перо» за цикл наших радиопередач «Литературные фанты».

Мы познакомились в 1978-м. Сначала приятельствовали, потом подружились. В середине девяностых мы виделись, наверное, через день, — одно время он почти поселился в нашей квартире — мы сочиняли детские передачи у меня на кухне, печатали одновременно на двух машинках, пили пиво, резались в шахматы. Мои дети практически росли у него на глазах, так и выросли с ним на «ты». У нас было много пересечений в жизни, иногда удивительных. На пятом году знакомства, например, мы, не сговариваясь, умудрились поступить на заочное в Литинститут, в один поэтический семинар (правда, я скоро перешел на прозу, а Григорьев вообще бросил институт после второго курса). В 92-м меня пригласили работать на «Радио России», вот тогда я и приманил Григорьева к детской редакции. Вместе (в соавторстве) и каждый по отдельности мы сочинили множество художественных передач, по сути, коротких пьес — многие из них до сих пор повторяют на радио.

Григорьев всегда увлекался игрою слов, а в девяностые с этим увлечением временами впадал в неистовство — то безудержно шарады сочинял, то изобретал палиндромы, то составлял анаграммы. Про себя говорил не без гордости, что у него «лингвистическая шизофрения». Особенно ему удавались анаграммы. Предмет его интересов составляли Ф. И. О. известных людей, а также его знакомых. Манипулируя буквами с легкостью заправского престижжигитатора, Григорьев преобразовывал полные имена в словесные формулы, часто напоминающие пророчества и лозунги. Брал он, например, сочетание из трех слов ВИКТОР СТЕПАНОВИЧ ЧЕРНОМЫРДИН и, переставив все буквы — ни одной не убрав, ни одной не добавив, — получал выражение опять же из трех слов: ПРОСМЕРДИТ ВЕТЧИНА РЫНОЧНИКОВ. Думаю, даже сегодня никакой суперкомпьютер на такое не способен. Определенно, мозги Григорьева были какие-то особенные. А это? ЕГОР ТИМУРОВИЧ ГАЙДАР — ГРАМОТЕЙ И РОДИЧУ ВРАГ. Каково?

Свои опыты он называл «анаграммическими вскрытиями», сам удивлялся их результатам и ликовал, когда получалось красиво. Он воспринял как должное, когда в ноябре 1998 года его дар анаграммиста оказался востребованным. Случилось вот что.

На нашего общего друга, детского писателя Николая Федорова вышли какие-то люди, представлявшие интересы одного из кандидатов на выборах. Надвигались выборы в Законодательное собрание, и кому-то из шести сотен кандидатов, разбросанных по пятидесяти округам города, потребовалась газета. Наверное, газета нужна была многим, но на Федорова вышли люди именно этого кандидата. Федоров тут же обратился к нам: не сообразить ли нам на троих?

Надо сказать, что я к этому времени уже ушел с радио, и Григорьев тоже потерял связь с детской редакцией, — мы были как бы безработные, то есть «на вольных хлебах» (так тогда говорили), и были рады любому заработку, но предложение нас привлекло не только и не столько обещанием денег (даже по тем временам смешных), сколько возможностью творческого приключения, ведь от нас ждали «чего-нибудь оригинального». Мы были рады почудить — и за три-четыре дня эту газету сварганили, благо нам был предоставлен карт-бланш. О, какая получилась газета! Чудо, а не газета! Мы отлично порезвились и отвели душу. Что ни материал — эксклюзивность! Была и статья про «магию анаграмм». Посредством «анаграммического вскрытия» Григорьев демонстрировал мрак и пустоту в «истинной сущности» отдельных политиков, тогда как внутри нашего клиента был обнаружен свет, а это многое значит. (Вот только что прочитал в новостях, что лидеру праймериз республиканцу Трампу помогает собственное имя, означающее «козырь», ибо, пишут, «имя — это судьба»!..)

И другие были находки...

Вообще-то, политический пиар — дело, прямо скажем, не очень благородное, с признаками неизбежного извращения. Но тут моя совесть чиста. И чиста она по двум причинам.

Во-первых, наш кандидат не только не претендовал на победу, но даже не надеялся попасть во второй тур. Не знаю, зачем он вообще участвовал в этой изнурительной борьбе, но задача его была получить место не ниже четвертого-пятого (и с этим он справился).

И во-вторых. Как оказалось, наша газета вообще не предназначалась для чтения, во всяком случае, чтения избирателей. За день до выборов весь ее тираж, упакованный в пачки, лежал еще в дальней каморке подвала, занятого штабом нашего кандидата. Надо полагать, кто-то в штабе просто решил сэкономить на распространении — газету не разносили по домам. После выборов ее просто сдали в макулатуру, если не свезли на

свалку. Достаточно и того, что ее своевременно показали главному ее герою. Он посмотрел и одобрил.

Финт с газетой — не самое абсурдное, что было на этих выборах. Когда я заходил в штаб, мне казалось, что я становлюсь героем пьесы Ионеско.

Да и на всей кампании лежала тень драмы абсурда. Придурковатый цинизм, господствовавший на этих выборах, усугублялся какими-то инфантильными расчетами и придавал всему карнавалу вид трагикомической фантазмагии. Именно тогда обкатывались грязные технологии вроде использования кандидатов-двойников, то есть однофамильцев конкурентов (так, в одном округе — не нашем — в числе семерых зарегистрированных толкались сразу три Мироновых, тогда как «настоящим» мог считать себя только один!). Практиковались и другие фокусы.

Очень ценный опыт для любознательного литератора.

Каждому из нас, посмотревшему на всё это — и Федорову, и Григорьеву, и мне, — мнилось уже, что мы способны сами возглавить любой предвыборный штаб, где бы ни состоялись выборы.

Мне очень захотелось порулить предвыборным процессом, но не где-нибудь, а у себя в голове — иначе сказать, на бумаге.

Нахожу в дневнике запись от 23 ноября (до первого тура еще две недели): «Хорошо бы сварганить роман “Имиджмейкеры”».

И через пять дней — 28 ноября 1998: «Вот как надо: “Дайте мне обезьяну, и вы изберете ее президентом”. — Так и назвать: “Дайте мне обезьяну”».

Тот случай, когда весь роман будет расти из названия. А что до изречения, давшего это название, то его скоро припишут Б. А. Березовскому, только не говорил этого Березовский и не претендовал он на авторство афоризма про обезьяну и президента. Я сам виноват — не нужно было щеголять эффектной фразой и повсеместно рассказывать о своих замыслах. Ладно, не это главное.

С «Обезьяной» я не очень спешил, отвлекали другие дела — надо было доделать «Член общества, или Голодное время».

Как бы то ни было, к лету будущего года сюжет «Обезьяны» в целом сложился. Придумался образ главного героя Виктора Тетюрина, молодого незадачливого литератора, вдруг обернувшегося политтехнологом (время у нас динамичное).

Запись от 14 июля 1999:

«“Дайте мне обезьяну”, первые наброски. Позвонил Федоров: “Что делаешь?” — “Пишу”. — “Жарко писать”. — “И не писать жарко”».

+ 32°, безветрие, за окном долбят асфальт — плохо пишется, грех скрывать. В конце июля мы с Григорьевым поехали в Псковскую область к моим родителям — они жили в деревне. Я донимал Григорьеву своими

идеями, он развлекался сочинением шарад и по любому случаю раздражался экспромтами.

Один из таких экспромтов оказался записанным. Но это уже через день по возвращении в город. Я иду с женой по Литейному, вдруг, откуда ни возьмись, — снова Григорьев! Подбежал и, сверкнув глазами, торжественно продекламировал:

Может, сдуру... А может быть, спьяну
он трясет лохматой бородой:
«Дайте мне, ребята, обезьяну!»
Но гуляет все-таки с женой.

«Запиши», — говорю; он записал. Прелесть григорьевских экспромтов — в сочетании их абсолютной бессмысленности с некоторой бытовой достоверностью. Что ему моя «Обезьяна»? Что «Обезьяне» — Григорьев? Сейчас мне кажется, они уже сами искали друг друга.

В августе моя голова была целиком занята романом, дело дошло до бессонницы. Город заволакивало дымом, горели торфяники.

Одиннадцатого числа новоявленные друиды в Англии разгоняли тучи; у нас тучи разгонять было некому, поэтому обещанное пятидесяти-четырёхпроцентное солнечное затмение мы не увидели. В этот день я совершил литературное преступление: заставил повеситься персонажа второго плана — кандидата Шумилина.

Запись от 13 августа 1999: «Григорьев-анаграммист как представитель “реального сектора” в “Обезьяне”».

Всё! Я поделился с ним новой концепцией.

Я позвал его в «Обезьяну».

В качестве «закадрового» сюжетобразующего героя.

Предложил ему осуществить «анаграммическое вскрытие» моих персонажей — причем «от себя», от своего имени, от своего доброго имени — Геннадий Анатольевич Григорьев.

Сюжетно присутствие Григорьева мотивировалось следующей ситуацией. В одном из городов нашей федерации проходят *элекции* (преимущественно так в романе именуется то, что в других случаях называется «выборами»). Есть персонаж — не главный, но важный — политтехнолог по фамилии Косолапов, серый кардинал блока «Сила и справедливость» (заметим, что в 99-м, когда писался роман, никакой «Справедливой России» еще и в помине не было, а упомянутый «настоящий» Миронов даже не думал, что ее возглавит). Этот Косолапов — сторонник нестандартных технологий. Отчего бы вымышленному Косолапову не посотрудничать с вполне реальным Геннадием Григорьевым, известным знатоком тайн имен? Если Григорьев действительно согласится войти в роман на

правах персонажа, Косолапов будет отсылать ему в Петербург имена, фамилии и отчества своих клиентов для последующего «анаграммического вскрытия» с учетом пожеланий заказчика. Готовый материал в этом случае поступал бы от Григорьева в предвыборный штаб, изучался бы на месте другими персонажами и в соответствии с темой «магия имени» интерпретировался бы в плане извлечения «истинной сущности» того или иного кандидата. Изучение григорьевских анаграмм позволит Косолапову разработать оригинальную предвыборную стратегию для своих клиентов.

Замечу, что место Григорьева в романе изначально полагалось «закадровым», — в явном виде Григорьев не должен был появиться ни разу. Читателям должен быть предложен лишь результат труда Григорьева — его авторские анаграммы. Допускаются информативные разговоры о нем других персонажей. Для них он миф (для всех кроме Косолапова), лицо загадочное и недоступное.

Именно так: для персонажей романа — он миф, тогда как на самом деле он и есть сама по себе реальность, а это они по отношению к нему — выдумка.

Проблема в том, что роман у меня был уже в значительной части написан, сюжет разработан, и я, в отличие от Косолапова, знал, чем всё кончится. Это только в романе должно казаться читателю, что Григорьев совершенно свободно производит свои «анаграммические вскрытия» — по наущению Косолапова, не сильно заботящегося о каких-либо ограничениях, — в действительности (причем буквально — в действительности) от реального Григорьева требовалось встроиться в уже готовый сюжет. Я — как автор романа — ждал анаграмм (хотя бы в первом приближении), отвечающих заданным романским событиям.

Он согласился. Причем с радостью. Он был легок на подъем, но его надо было зажечь.

И всё же одно условие он выдвинул. Я брал на себя обязательство привести в тексте «Обезьяны» номер его домашнего телефона. Зачем? Он был уверен, что читатели романа, восхитившись его необыкновенными способностями, будут звонить ему домой и делать реальные заказы на «анаграммическое вскрытие» своих знакомых (мобильных телефонов у нас тогда еще не было). Да сколько угодно, это же здорово! Публикация домашнего телефона невыдуманного человека вполне отвечала поэтике гиперреалистического творения, каким мне тогда мыслился разрабатываемый роман.

«Мы выпили и заключили сделку», — напишет Григорьев в поэме «Доска» по совершенно другому случаю.

Для начала от Григорьева требовалась анаграмма Ф. И. О. кандидата — лидера блока, причем текст анаграммы должен был содержать что-

то вроде пророчества с намеком на судьбу, счастье, надежду, спасение и — главное! — свадьбу. Дело в том, что по сюжету главный герой романа, молодой писатель Тетюрин, неофит-политтехнолог, следуя неумолимой логике обстоятельств, отчасти им самим созданных, должен был в финале романа — и совершенно неожиданно для себя — вынужденно жениться на этой женщине зрелых лет, своей клиентке (то есть в некотором смысле стать жертвой «рекламной свадьбы»). Моя задача — с максимально возможной убедительностью обосновать заведомо абсурдный сюжетный ход. Задача Григорьева — создать анаграмму с неявным (для читателя) предсказанием судьбы персонажа, отвечающую исходным требованиям. Идеально было бы наличие в анаграмме слова «невеста». Для облегчения задачи имя героини я предложил Григорьеву выбрать самому.

Геннадий Анатольевич активно взялся за дело. «К невесте лучше всего подойдет Анастасия», — сказал он. И исчез на несколько дней.

Запись от 18 августа:

«...Я говорю: “Ты не тяни, анаграммируй моих персонажей, пора тебе входить в роман на правах героя”. Ему эта идея нравится...

Эти дни что-то кружится голова время от времени, и вообще — ощущение какой-то “неправильности”.

Прошла эйфория от “Обезьяны” (очередная волна), и вот вижу: не то».

В моем архиве есть бумажка, подписанная Григорьевым и датированная 25 августа 1998. Заглавие — «Именное анаграммирование героини романа С. Носова». Далее следует предлагаемое имя МАРИЯ АНДРЕЕВНА ЖУКОВСКАЯ и две анаграммы: первая — МРАК УЖАСА! НЕВИННАЯ ДЕВА! РОК!!! и вторая — НЕВИННАЯ ДЕВА САМА... КУРАЖ! РОК!

Признаться, я рассчитывал на другое. С такими анаграммами никакие элекции не выиграть. И где же «невеста»? Не то, не то.

— Ты же Анастасию хотел!

На следующий день Григорьев принес бумажку с Анастасией. Анаграмма была что надо: А НОВАЯ НЕВЕСТА ОНА СПАСЕТ И НАС. Этому соответствовало АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВНА ОСЕНЕВА.

Другое дело!

Фамилия мне показалась несколько искусственной, и я ради нейтральности чуть изменил: была Осенева, стала Несоева (тоже казалась искусственной, но сейчас гуглю и вижу: люди с такой фамилией есть).

Доселе безымянная героиня, уже оделенная внешностью и биографией, наконец обрела имя, отчество и фамилию.

Теперь мой друг смело проникал в роман. Первое упоминание о нем я вложил в уста Косолапова, устроившего в пятой главе небольшой пикник в городском парке:

— У меня приятель один, — объяснял Косолапов, — большой оригинал, боюсь, у него лингвистическая шизофрения...

— Лингвистическая? Что такое лингвистическая шизофрения?

— Патологическое влечение к игре буквами — например, к поиску палиндромов. Есть такие, которые всё читают наоборот, слева направо. А у этого на анаграммах задвиг. Вот ты когда слышишь слово апельсин, о чем думаешь? Об апельсине. А он думает, что получится, если переставить буквы в апельсине. И получается спаниель. У него дар. Болезненный дар, но для нашего дела чрезвычайно полезный.

Косолапов достал мобильник.

— В Питер звоню. 246—46—77. Хорошо запоминается. Геннадий Григорьев, поэт. Не знаешь такого?

Тетюрин плохо знал современных поэтов.

— Алле! Геша? Узнал?.. Легче на тот свет дозвониться!.. Третий день звоню!.. <...> У меня к тебе заказ, дорогой... Да, да, и ты дорогой, и заказ дорогой, не придирайся к словам, вы все дорогие... — Косолапов показал глазами Тетюрину: наливай.

Тетюрин определил по два булька на брата.

— Ну так что, проанаграммируешь?.. <...> Нет, комплиментарно, пожалуйста. Как ты умеешь. Без говна... Достойный человек, наш клиент, без говна анаграммируй!.. <...> Не-со-е-ва... Не-со-е-ва, — повторил Косолапов, — Анастасия Степановна... Так!.. За ночь справишься?.. А ты попробуй. Я жду.

Телефонограмма от Григорьева в предвыборный штаб пришла уже в конце этой главы: АНАСТАСИЯ СТЕПАНОВНА НЕСОЕВА — А НОВАЯ НЕВЕСТА ОНА И НАС СПАСЕТ. Получалось, в романе запускался технологический процесс в направлении, обратном тому, что было в реальности. Григорьевская анаграмма, воспринятая в штабе как продуктивный слоган, спровоцировала Косолапова, по сюжету романа, на изучение вопроса о возможности рекламной свадьбы его подопечной — А. С. Несоевой — с гипотетическим (еще не назначенным) женихом.

Я со своей стороны позволил переставить слова в анаграмме, но это для рифмы — григорьевский оборот счастливым образом укладывался в стихотворный размер, и мне не стоило труда сочинить несколько четверостиший, уступив авторство одному из персонажей второго плана. Транслируют стихи — по всем агитационным каналам «Силы и справедливости» — уже ближе к финалу романа, когда фантазмагория являет себя во всём своем торжестве:

Ворюги, найдите место!
Возмездие идет!

А новая невеста,
Она и нас спасет!

Великий гнев, как тесто,
Безудержно растет!
А новая невеста,
Она и нас спасет!

В одежде из асбеста
Любой в огонь войдет!
А новая невеста,
Она и нас спасет!

Пусть крепнет марш протеста!
Вперед! Вперед! Вперед!
А новая невеста,
Она и нас спасет!

Как строки манифеста,
Нам ветер принесет:
«А новая невеста,
Она и нас спасет!»

Но довольно. Пора и меру знать.

(Тут я должен заметить в скобках: если кому-то покажется, что григорьевская линия в романе главная, это не так; да и, по большому счету, не о выборах роман, как мне всегда представлялось, — о другом, но не место касаться здесь этих материй.)

Из записи от 5 сентября: «Гена проанаграммировал очередного героя. Будем работать».

На самом деле заказ на этого «очередного» поступил одновременно с заказом на «невесту», но этот мог и потерпеть. Я хотел, чтобы его фамилия была Богатырев, — его должны раскручивать как богатыря. Ранний вариант не был удачным: СТАНИСЛАВ ПРОКОФЬЕВИЧ БОГАТЫРЕВ давал ФАКТ В ПЕЧАТЬ: В РОССИИ ВЫБОР АНГЕЛОВ и СЧЕТ ГИЕН: СКАЛЬП ФАВОРИТА ВЫБОРОВ.

Григорьев сам видел, что это никуда не годится. Тогда он из имени сделал отчество, призвал из космоса «Леонида», и всё у него заиграло: ЛЕОНИД СТАНИСЛАВОВИЧ БОГАТЫРЕВ — это, представьте: И НИВА ВЕНЧАЕТ БЛАГОРОДСТВО СИЛЫ, — неплохо, неплохо. Вторая анаграмма еще лучше: СЛАВА ЛОГИЧНО ВЫБИРАЕТ ЕДИНСТВО!

Эта вторая, исполненная Григорьевым, застала моих «креативщиков» по дороге на очередной пикник, — анаграмма их потрясла.

«Не мистика ли? Этак действительно можно подумать о предопределении». Конец цитаты.

Но и после первой (про «благородство силы») — тоже:

— Знаете, Рита, я пробовал, — Тетюрин сказал, — но у меня не получилось, это дьявольски трудно. Когда сами попробуете, поймете, какой это феномен.

— Богатырев — феномен?

— Григорьев!

Спасибо Григорьеву: кандидат Богатырев наконец обрел имя и отчество, как будто у него они были такими с рождения.

Но тут что-то случилось с Григорьевым, мой друг уже не мог остановиться. Он сообщал мне анаграммы одну за другой. Он прислал мне странную, какую-то алкогольную анаграмму: ДОЛОГ БЫВАЕТ В ЧАС ОСЕНИ ЛИТР ВИНА, — он беспокоился за ее судьбу, боялся, что я забракую. Я обещал переправить ее в штаб, в роман — пусть там разбираются. Тогда Григорьев послал мне нечто совершенно упадническое, пораженческое — нечто такое, что должно было сильно испугать политтехнологов из «Силы и справедливости»: ГАДЫ! СВОЛОЧИ! НЕТ СИЛ В БИТВЕ... РАНА!

И это всё из одного исходного Ф. И. О.! Не знаю, чем так достал Григорьева этот Леонид Станиславович Богатырев, но скоро я получил еще две анаграммы — одна непристойней другой. Привести их здесь означало бы обречь данное печатное издание на продажу запаянным в полиэтилен, с грифом 18+. Сейчас так нельзя, а тогда было можно. Тогда и маркиза Де Сада издавали массовым тиражом.

А и хорошо! Пусть они в штабе забеспокоятся, пусть их охватит легкая паника. Пусть они начнут уничтожать списки компрометирующих анаграмм, стирать их из электронной памяти, пока не попал этот убийственный компромат в руки соперников. Пусть гадают, что происходит с маэстро. Не работает ли на конкурентов Григорьев? Не перекупили ли его враги «Силы и справедливости»?

Он еще придет на свадьбу Несоевой разнузданную анаграмму, касающуюся Ф. И. О. ее жениха, и этот свадебный подарок поставит в неловкое положение тамаду, вынужденного в позитивном духе интерпретировать сюрреалистический текст, но сейчас я боюсь впасть в пересказ «Обезьяны».

Скажу только, что Косолапов, желая прекратить отношения с Григорьевым, будет звонить ему в Петербург, но нарвется на автоответчик, произносящий голосом своего хозяина:

Наш поэт-антисоветчик
вышел выпить-погулять.
Я его автоответчик.
Что поэту передать?

У Григорьева действительно был такой автоответчик. Сейчас я жалею, что в романе ограничился только этим катреном. В реальности григорьевский автоответчик продолжал:

Он хороший человек.
На него управы нет.
Должен лишь автоответчик
за него держать ответ.

Ну а как же телефонные заказы? Много ли их было?
Ни одного.

Но однажды был один странный звонок.

Григорьев мне рассказывал, как ему позвонили ближе к ночи уже. «Нельзя ли попросить Геннадия Анатольевича Григорьева?» — «Это Григорьев», — ответил Григорьев. Последовала пауза. «Так вы действительно существуете?» А дальше — гудки.

Григорьев действительно существовал и действительно существует.
В действительности, а также за ее пределами.